

На правах рукописи

КУКАНОВ ДЕНИС АЛЕКСЕЕВИЧ

**СОВРЕМЕННЫЕ КОЧЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НЕНЦЕВ И ЧУКЧЕЙ:
ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Специальность 5.6.4 — этнология, антропология и этнография

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2026

Диссертация выполнена в Центре арктических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук»

Научный руководитель:

Головнёв Андрей Владимирович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Официальные оппоненты:

Крадин Николай Николаевич, академик РАН, доктор исторических наук, директор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)

Коломиец Оксана Петровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (г. Анадырь)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая»

Защита диссертации состоится «14» декабря 2026 г. в 11.00 на заседании диссертационного совета 24.1.169.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан «__» октября 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Т. С. Киссер

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Северность России — не только географический факт, но и огромный полигон возможностей, от ресурсных и геополитических до инновационно-технологических и этнокультурных¹. В реализации этого потенциала, в том числе в развитии арктических территорий и «северном измерении» России, первостепенное значение имеет изучение и применение накопленного веками опыта кочевых стратегий, пространственных технологий, полиритмичной мобильности, этики минимализма, принципа полифункциональности, энергоэкономии и других актуальных для современности традиций коренных северян. Осмысление опыта и ценностей кочевников ведет к изменению отношения к самим кочевникам, их культурному наследию и ценностям. В конкретных ситуациях ресурсодобывающим корпорациям Севера часто недостает концептуально внятного и системно визуализированного представления о стиле жизнедеятельности коренного населения для согласования и оптимизации принимаемых решений.

Арктические кочевники являются носителями уникального опыта сосуществования человека и среды в высоких широтах Евразии. Их технологии — от конструкции жилищ и одежды до тактик выпаса оленей и организации пространственных миграций — представляют собой результат длительной коэволюции в арктических экосистемах и воплощают принципы, которые современная наука только начинает понимать: циркулярная экономика без отходов, адаптивное управление ресурсами, гибкое реагирование на непредсказуемость среды, минимизация экологического следа при максимизации эффективности жизнеобеспечения.

Оленеводство представляет модель хозяйства, основанного на возобновляемых ресурсах и минимальном антропогенном воздействии, что актуально в контексте глобального освоения Арктики. Принцип трансформности — адаптация через гибкое реагирование, обратимость форм, синхронизацию с ритмами среды — может быть экстраполирован на разработку концепций устойчивого природопользования в Арктике. Технологические и инженерные решения, заложенные в конструкции чума, малицы, нарты (модульность, полифункциональность, минимизация веса, аэродинамика, управляемая термодинамика защитных оболочек), находят применение в разработке мобильных жилищ и экспедиционного снаряжения, а биотехнологии северного оленя (противоточный теплообмен, сезонная перестройка органов, адаптивная геометрия опоры) представляют интерес для биомиметики и биоинспирированного дизайна.

¹ Головинёв А. В. Северность России. СПб., 2022.

Степень научной разработанности темы. В историографии исследований материальной культуры и оленеводства народов Севера традиционно выделяют три крупных периода. Первый охватывает XVIII — начало XX в., когда происходило накопление этнографического и визуального материала, а описания жилищ, одежды и средств передвижения собирались в ходе путешествий и первых научных экспедиций. Второй период, связанный с научными изысканиями советских ученых, характеризуется систематизацией и типологизацией данных, масштабными этнографическими исследованиями и развитием сравнительно-типологических подходов. Третий, современный этап начинается в постсоветский период и отмечен переходом к комплексному антропологическому анализу кочевых культур с акцентом на динамические процессы, взаимодействия с природной и социальной средой, а также на изучение трансформации традиций в новых условиях.

Первый период (XVIII — начало XX в.) характеризуется накоплением этнографического и визуального материала. Короткие сообщения о жилищах, транспортных средствах и одежде самоедов содержатся в трудах путешественников, ученых и картографов Н. Витсена, Э.И. Идеса, Д. Мессершмидта, Ф.-И. Табберт фон Страленберга и С.У. Ремезова. Начало научного описания было положено участниками Академических экспедиций Г.Ф. Миллером, П.С. Палласом, В.Ф. Зуевым, И.Г. Георги, И.И. Лепехиным и С.П. Крашенинниковым. Продолжили академические традиции исследователи XIX — начала XX в. В.А. Иславин, А. Шренк, М.А. Кастрен, Ф. Белявский, Ю.И. Кушелевский, В.В. Бартнев и М.Б. Житков, которые не только описывали кочевую культуру, но и указывали на особенности и специфику жилищ, средств передвижения и одежды разных территориальных групп.

Ценные этнографические материалы о чукчах встречаются в сочинениях русских мореплавателей Г.А. Сарычева, Ф.П. Врангеля и Ф.П. Литке. Первая полноценная работа по этнографии чукчей написана натуралистом К.Г. Мерком. Н.Л. Гондатти собрал ценные сведения о численности и расселении чукчей побережья Берингова пролива. Глобальностью и широтой поражают монографии о чукчах В.Г. Богораза, признанные ключевыми исследованиями народа, где детально описана материальная культура и высказаны гипотезы о происхождении и развитии элементов кочевой триады (нарта, жилище, одежда).

Второй этап исследований (начало XX в. — конец XX в.) связан с масштабным развертыванием изучения традиционных культур народов Севера советскими учеными. Ценные этнографические сведения о жизни ненцев содержатся в работах В.П. Евладова и Г.Д. Вербова.

Венцом систематизации стал вышедший в 1961 г. «Историко-этнографический атлас Сибири» под редакцией М. Г. Левина и Л. П. Потапова, главы которого были подготовлены Г. М. Василевич, А. А. Поповым, Н. Ф. Прытковой и С. В. Ивановым. Наиболее полное описание кочевой культуры ненцев представлено в монографии Л. В. Хомич. Методологическую основу для изучения одежды заложила Н. И. Гаген-Торн, а вопросы происхождения рассматривались в работах Н. П. Горбачевой, Л. В. Андреевой, В. В. Горбачевой, Е. Г. Федоровой, О. М. Рындиной, Т. Лар.

Среди значимых работ, посвященных жилищам арктических кочевников, следует назвать статьи В. Н. Чернецова и монографию З. П. Соколовой. Весомый вклад в систематизацию знаний о транспортных средствах внесли: Н. П. Гарин, Г. Н. Грачёва и В. И. Васильев. Следует отметить монографию И. С. Вдовина и работу А. И. Крушанова, где системно прослежена история и культура чукчей. В советский период значительный вклад в изучение происхождения и типологии западносибирского оленеводства внес В. А. Козьмин.

В конце XX в. в отечественной этнографии наметился переход к комплексному анализу оленеводства как целостной хозяйственно-культурной системы. Работы А. В. Головнёва стали важной вехой в этом процессе, где оленеводство рассматривалось в контексте природно-климатических условий, социальной организации и культурных традиций.

Современный этап (постсоветский период с 2000-х гг.) характеризуется переходом к комплексному антропологическому анализу кочевых практик и технологий адаптации. Ключевую роль сыграли работы А. В. Головнёва и его коллег. Важным направлением стало изучение трансформации оленеводства в постсоветский период в работах В. Н. Адаева, Е. В. Переваловой, Т. С. Киссер, Ю. Н. Квашнина, О. П. Коломиец, В. Н. Нувано и Л. Н. Хаховской. Исследование пространственного аспекта в культуре северных номадов получило развитие в работах А. И. Волковицкого, А. Н. Терёхиной, К. В. Истомина, а К. Б. Клоков создал концепцию «олeneводческих ландшафтов России». Комплексное междисциплинарное исследование представлено в работах А. Д. Мухачева, Г. П. Харючи и А. А. Южакова.

Антропология материальности открыла новые перспективы в исследовании кочевых культур в работах В. Н. Давыдова. В постсоветский период получило новый импульс изучение традиционной одежды: А. М. Сязи, М. К. Амелина, Е. Зинченко исследовали одежду ненцев, а Н. И. Вуквукай — чукчей. Н. М. Ведерникова рассмотрела изделия из меха и кожи как часть системы культурных ценностей. Зарубежные

исследования В. Вате, Ф. Штаммлера и И. Крупника и др. внесли вклад в понимание культурных и символических аспектов арктического оленеводства. Однако до настоящего времени жилище, транспорт и одежда рассматривались преимущественно как отдельные компоненты этнической традиции, а не как взаимосвязанные элементы системы кочевых технологий.

Объектом исследования являются ненцы и чукчи как наиболее яркие представители арктического нomaдизма в современной России, сохраняющие крупнотадное тундровое оленеводство и кочевой образ жизни в условиях интенсивного промышленного освоения Арктической зоны и глобальных климатических изменений. Оба народа демонстрируют устойчивость традиционной системы жизнеобеспечения, основанной на протяженных сезонных миграциях с оленьими стадами, и представляют собой два различных типа адаптации к арктическим условиям: ненецкая модель высокоомобильного кочевания с тесной интеграцией человека и стада и чукотская модель менее интенсивных перекочевков с практикой дистантного контроля и полувольного выпаса.

Предметом исследования является кочевые технологии ненцев и чукчей в их пространственном измерении — совокупность материальных объектов, практик, знаний и социальных форм организации, обеспечивающих мобильный образ жизни в арктической среде и подчиненных принципу трансформности как фундаментальному способу адаптации к динамичным условиям Севера. Под кочевыми технологиями понимается не просто набор технических приспособлений и навыков, но и целостная система производства, воспроизводства и трансформации пространства-времени, включающая как материальные артефакты (жилища, транспортные средства, одежду, утварь), так и нематериальные компоненты (маршруты, ритмы, правила, представления), организованные вокруг циклической смены состояний «кочевье — стойбище», «зима — лето», «движение — стоянка», «свернутое — развернутое».

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе всесторонней характеристики кочевых технологий арктических кочевников — ненцев и чукчей (жилища, транспорта, одежды) — определить принципы организации кочевого пространства и охарактеризовать трансформность как фундаментальную стратегию адаптации материальной культуры к экстремальным условиям Арктики в начале XXI века.

В фокусе исследования находятся механизмы циклических превращений материальных объектов кочевой культуры (жилище, нарта, одежда) и пространственных практик (аргиш, стойбище, сезонные миграции), обеспечивающие динамическую устойчивость кочевых систем

через постоянную обратимую трансформацию форм при сохранении функций.

Для реализации указанной цели определены следующие **задачи**:

1. Исследовать конструктивные особенности и принципы организации кочевого жилища;

2. Проанализировать специфику внутренней организации жилища, и функционального зонирования, сезонные и суточные трансформации внутреннего пространства;

3. Изучить конструктивные и технологические возможности кочевого транспорта и механизмы циклического преобразования *аргиша/мууриля* в стойбище;

4. Выявить роль нарты как операционной единицы кочевого пространства: рассмотреть её полифункциональность, проанализировать типологию нарт и сравнить ненецкую и чукотскую модели пространственной организации каравана;

5. Рассмотреть технологии конструирования кочевой одежды и проанализировать специфику покроя, феномен создания многослойных термодинамических оболочек, способы регулирования теплообмена;

6. Исследовать трансформационные возможности кочевой одежды;

7. Раскрыть биологические и социальные основания принципа трансформности в кочевых технологиях;

8. Выявить пространственно-временные механизмы трансформности кочевья.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XXI в. по настоящее время (2000–2026 гг.), что позволяет зафиксировать актуальное состояние кочевых практик ненцев и чукчей в эпоху радикальных трансформаций арктического пространства. Выбор этого периода обусловлен несколькими критически важными процессами, определяющими современный контекст функционирования кочевых систем. Во-первых, это интенсификация промышленного освоения Арктики: на Ямале разворачивается масштабная добыча углеводородов с созданием магистральной инфраструктуры (газопроводы, железная дорога Обская — Карская, морской порт Сабетта), что приводит к изменению традиционных маршрутов кочевания и требует выработки новых пространственных стратегий. Во-вторых, это период активной технологической модернизации кочевого быта: массовое внедрение снегоходной техники, средств спутниковой связи, современных материалов (геотекстиль, синтетические ткани, пластик) меняет технологический ландшафт кочевья, сохраняя при этом базовые принципы его

организации. В-третьих, начало ХХI в. характеризуется климатическими изменениями, влияющими на режим ледостава и вскрытия рек, сроки миграций, состояние пастбищ, что заставляет оленеводов адаптировать традиционные календари и маршруты к новым природным ритмам.

Территориальные рамки исследования охватывают ключевые ареалы современного тундрового оленеводства в российской Арктике, где ненцы и чукчи сохраняют полноценный кочевой образ жизни в условиях экстремальных климатических условий и интенсивного промышленного освоения.

Основной территорией исследования ненецкого кочевничества является Ямало-Ненецкий автономный округ и Ненецкий автономный округ, в пределах которого выделяются несколько ключевых оленеводческих тундр (Ярсалинская, Надымская, Байдарацкая, Большеземельская). Территория исследования чукотского оленеводства сосредоточена в Чукотском автономном округе, на крайнем северо-востоке Евразии (Чаунская тундра).

Методология исследования. Методологическая основа диссертационного исследования формируется на стыке нескольких научных дисциплин: антропологии, этнографии, дизайна и пространственных исследований. Междисциплинарный характер работы обусловлен самой природой объекта исследования, где пространственные практики, материальная культура и социальная организация образуют неразрывное единство, недоступное для анализа в рамках одной дисциплинарной традиции.

Методологическое ядро диссертации составляют разработанные А. В. Головнёвым концепции *«антропологии движения»* и *«номадографии»*. Антропология движения рассматривает мобильность как фундаментальный антропологический феномен, где главными категориями выступают динамика и статика, а основными инструментами — мотивационно-деятельностные схемы и историко-антропологические сценарии. Разработанный А. В. Головнёвым метод документирования мобильности обозначен как триада ТМА (tracking–mapping–acting), который реализуется в трёх взаимосвязанных форматах: GPS-трек передвижений, карта миграций в масштабе сезона или года, фото- и видеопоследовательность действий. Результатом применения ТМА стали семь принципов кочевого дизайна: кочевой трансформер, мобильный модуль, эффект движения, техно-анимация, вещный минимализм, слитное времяпространство и кочевая эстетика.

Теоретическими опорами диссертации служат *концепции номадологии* Ж. Делёза и Ф. Гваттари, *антропология путей* Т. Ингольда и *социо-*

логия мобильности Дж. Урри. Концепция ризомы и номадологии позволила переосмыслить кочевое пространство как принципиально ацентричную, анти-иерархическую систему организации, где траектории определяют значимость мест. Концепция meshwork Т. Ингольда как сети живых линий легла в основу анализа маршрутных практик и телесного взаимодействия с арктической средой. Теория пяти взаимозависимых мобильностей Дж. Урри обеспечила социологическое измерение исследования и позволила рассмотреть арктическое кочевничество как многоуровневую систему.

Французская школа *пространственного поворота (spatial turn)* определила теоретическую рамку для анализа человека как *Homo spatialis*. А. Лефевр предложил концепцию социального конструирования пространства через триаду: пространственную практику, репрезентации пространства и пространства репрезентации. Его концепция социального производства пространств позволила представить тундру не как пассивный природный ландшафт, а как активную социально сконструированную среду, производимую практиками кочевников. М. Мерло-Понти обосновал понятие «телесного пространства», утверждая, что человек познаёт пространство через непосредственный телесный опыт. Г. Башляр показал, как интимные пространства жилища формируют человеческую субъективность. Э. Холл доказал, что управление дистанциями является фундаментальным культурным кодом. Ж. Леви и М. Люссо разработали теорию номадического пространства, где кочевник обладает максимальным пространственным капиталом и практикует «мобильную оседлость».

Визуальный поворот и развитие антропологии материальной культуры (в русле идей Б. Латура об акторно-сетевой теории и материальной агентности вещей) предоставили аналитический инструментарий для фиксации вещеоборота, архитектурной динамики жилищ и артефактов как полноправных участников кочевых сетей.

Среди российских исследователей важную роль сыграли работы Н.Н. Крадина и В.Н. Давыдова. Концепция Н.Н. Крадина о номадизме как самостоятельном и полноценном способе освоения пространства послужила основой для разграничения универсальных закономерностей номадизма и специфических черт арктического кочевничества. Разработанная Н.Н. Крадиным *методология сравнительного изучения номадических обществ* использовалась при сопоставлении пространственных технологий оленеводов Ямала и Чукотки. Работы В.Н. Давыдова оказались принципиально важны для понимания кочевого трансформера как живой, эволюционирующей системы, способной ассимилировать индустриальные объекты.

Этнодизайнерский аспект диссертационного исследования определил применение подходов и методов Уральской школы северного (арктического) дизайна под руководством Н. П. Гарина. Ключевым стал концепт «модуля жизнеобеспечения», операционализированный через анализ чума и яранги как коллективных модулей, встроенных в систему индивидуальных модулей — одежды и транспортных средств. Из арсенала Школы северного дизайна были взяты концепция «аборигенного/локального знания», метод дизайн-интерпретации и метод факторного анализа предметной культуры, позволивший разграничить пространственно-инвариантные принципы и вариативные материально-технологические решения.

Методологический инструментарий включает *картирование* в различных масштабах, документирование «вещеоборота» — частоты и последовательности использования предметов. *Запись движения средствами GPS-мониторинга* с визуальным сопровождением позволяет создать многомерную картину кочевой мобильности. В сборе материалов использовались как традиционные *полевые методы* (опрос, углубленное интервьюирование, включенное наблюдение), так и современные прикладные методики (аудио- и фотофиксация, картографирование, запись GPS-треков, 3D-моделирование).

Использование *общенаучных методов* — системного анализа, сравнительно-исторического, сравнительно-типологического и структурно-функционального подходов — позволило выявить как специфику опорных компонентов кочевой системы жизнеобеспечения, так и взаимосвязь элементов триады «жилище — нарта — одежда». Сравнение двух моделей мобильности предполагало использование общего набора методик и сопоставимость полученных баз данных, что достигалось полевыми работами по единой программе на Ямале и Чукотке.

Источниковая база. Исследование построено на комплексе источников: полевые материалы автора (2013–2026 гг.), фольклорные материалы, архивные и документальные материалы, GPS-треки, визуальные материалы, графика, схемы и карты, обмеры материальных объектов, источники киберэтнографии.

Основным источником в подготовке диссертационного сочинения являются *материалы полевых этнографических экспедиций* на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (Байдарацкая, Ярсалинская и Надымская тундры), Ненецкого автономного округа (Большеземельская тундра, с. Красное) и Чукотского автономного округа (Чаунская тундра, г. Певек). Общая продолжительность полевых работ составила более 18 месяцев, что обеспечило охват различных сезонных циклов

кочевания и возможность наблюдения трансформаций кочевых технологий в динамике.

В работе использованы *фольклорные материалы*, как опубликованные («Ненецкий эпос. Материалы исследования по самодийским языкам», «Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе», «Сказки Чукотки», «Сказки народов Северо-Востока», «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки»), так и хранящиеся в архивах и фондах музеев (предания и сказания, записанные К. Геутваль, Фольклорный фонда Музея с. Рыткучи).

Архивные и документальные материалы включают карты из архивов администрации Ямальского района ЯНАО и МОП «Ярсалинское», администрации Чаунского района ЧАО и МП СХП «Чаунское», отражающие официальные маршруты кочеваний оленеводческих бригад, границы пастбищ, расположение стойбищ в различные сезоны. Архивные материалы МАЭ РАН (Ф. 2, Оп. 1, Д. 78, 130 – полевые записи Г. Д. Вербова по оленеводству и изготовлению нарт у ненцев 1938–1939 гг.) были привлечены для реконструкции традиционных технологий и их эволюции в первой половине XX века.

Ключевым источником для реконструкции пространственной организации кочевья стали *GPS-треки* движений оленеводов и членов их семей, записанные с помощью навигаторов в режиме реального времени. Всего собрано 85 треков, фиксирующих как однодневные маршруты на стойбище (выпас оленей, хозяйственные походы за водой и дровами, объезды территории), так и многодневные перекочевки с детальной привязкой к местности.

Обширный корпус *визуальных источников* включает более 8500 авторских полевых фотографий и около 50 часов видеоматериалов, отснятых с использованием различных технических средств: профессиональных фотокамер, экшн-камер GoPro (фиксация субъективной перспективы участника действия), беспилотных летательных аппаратов-квадрокоптеров (аэрофотосъемка стойбищ, процессов кочевания, пространственной организации аргийшей).

Особое место в источниковой базе занимают материалы, полученные методами *3D-моделирования и графической фиксации элементов материальной культуры*. В ходе экспедиций была апробирована и применена технология создания трехмерных моделей предметов при помощи двухуровневой фотосъемки и обработки изображений в специализированном программном обеспечении, что позволило получить точные цифровые копии ключевых объектов (нарт, элементов жилищ, предметов утвари) с возможностью их детального изучения, масштабирования

и измерения без физического контакта с оригиналом.

Детальные *обмеры материальных объектов* кочевой культуры составляют особую группу источников, позволяющую перевести качественные описания в количественные параметры. Выполнены обмеры конструкций жилищ (чумов различных типов, зимних и летних яранг, меховых палаток), всех типов нарт, одежды. Все обмеры сопровождаются фотофиксацией и эскизными зарисовками, образуя комплексное описание объекта.

Схемы и карты составляют отдельную категорию графических источников. Автором составлены планы стойбищ с привязкой всех предметов и функциональных мест, схемы организации внутреннего пространства жилищ с зонированием, схемы расположения нарт в аргише и на стойбище, схемы родственных связей членов кочевых групп с проекцией на пространственную организацию стоянки.

В качестве *источников киберэтнографии* в работе привлекаются видеоматериалы, в которых сами ненцы — мастера и оленеводы — демонстрируют и комментируют процесс изготовления нарт, установки жилищ, пошива одежды.

Научная новизна исследования. Впервые предложена и обоснована концепция трансформности как фундаментального принципа организации кочевых пространств арктических кочевников, позволяющая преодолеть оседло-центрированную оптику в понимании кочевничества и перейти к номадографической парадигме, где изменчивость, обратимость и переходность рассматриваются не как нестабильность, а как форма динамической устойчивости. В отличие от существующих исследований, фокусирующихся на отдельных элементах материальной культуры или хозяйственных практиках, предложенный подход выявляет единую логику трансформера, пронизывающую все уровни кочевой системы — от биологии северного оленя до социальной организации и пространственных практик.

Разработана оригинальная методология пространственного анализа материальной культуры кочевников, основанная на концепции многослойности обитаемого пространства (тело — малица/кухлянка — чум/яранг — стойбище — территория кочевания) и принципе циклических превращений форм при сохранении функций. Впервые проведен детальный анализ пространственной хореографии кочевья: механизмов «заворота аргишей», последовательности трансформации линейной структуры каравана в радиальную структуру стойбища, роли нарты как операционной единицы, осуществляющей преобразование пространства. Описаны количественные параметры этих трансформаций (объем

чума в транспортном и развернутом состоянии, полезная площадь на человека, ритмы перекочевок, протяженность маршрутов), что позволяет перевести качественные наблюдения в измеримые характеристики пространственной организации.

Впервые обоснован принцип непрерывной трансформации жизненного цикла кочевых артефактов при сохранении их базовой материальной формы. Показано, что циклический переход элементов материальной культуры (от эволюции одежды до смены архитектурно-транспортных функций элементов жилища) реализует стратегию безотходной утилизации и жесткого ограничения веса каравана.

Северный олень концептуализирован как первичная биологическая матрица кочевых технологий, а его сезонные биотрансформации (смена термодинамических свойств меха, геометрии точки опоры копыта, спектральной чувствительности зрения, работы противоточных теплообменников, отключение циркадных ритмов) систематически проанализированы как источник принципов, которые человек копирует, масштабирует и переносит на уровень материальной культуры. Показано, что кочевой трансформер представляет собой не метафору, а буквальное технологическое воспроизведение биологических решений оленя в конструкции одежды (многослойность меха), жилища (воздушные прослойки, управляемая циркуляция) и пространственных практик (синхронизация с ритмами стада).

На основе полевых материалов зафиксированы и проанализированы современные трансформации кочевых технологий, ранее не описанные в научной литературе: феномен чума-гаража (радикальная адаптация жилища под размещение снегохода), эволюция чукотской яранги в меховую палатку геологического типа, изменение коммуникативных практик координации кочевых групп при появлении мобильной связи, стратегии пространственного маневрирования в условиях промышленного освоения территорий. Показано, что принцип трансформности работает не только в традиционном контексте, но и обеспечивает адаптацию кочевых систем к вызовам XXI в.

Предложен новый подход к анализу гендерного измерения кочевых технологий через пространственную организацию: выявлено, что различие между малицей (замкнутая оболочка) и ягушкой (распахиваемая оболочка) отражает фундаментальное различие мужских и женских пространственных стратегий — автономии/обороны и приятия/включения соответственно. Описана ритмическая смена мужских и женских действий в зависимости от пространственного контекста (тундра/чум) у ненцев и (тундра/яранга) у чукчей, что позволяет переосмыслить

устоявшиеся представления о гендерной иерархии в кочевых обществах через призму пространственных практик.

Положения, выносимые на защиту:

1. Кочевое жилище функционирует как многофункциональный трансформер, циклически меняющий своё назначение в ритме суток (спальня — столовая — мастерская) и сезонов года (летний/зимний варианты с различной конфигурацией внутреннего пространства), при этом сохраняя постоянство символической структуры и способность к компактной транспортировке, увеличивая свой объём более чем в 30 раз при развёртывании из транспортного состояния в обитаемое пространство.

2. Традиционное жилище арктических кочевников организовано по принципу экстремальной экономии пространства, где при общей полезной площади 12–15 м² на человека приходится от 1,0 до 2,1 м², что требует строгой функциональной регламентации через систему этикетных норм, превращающих физическую тесноту в упорядоченное и уютное жизненное пространство с чётким гендерным, возрастным и сакральным зонированием.

3. Аргиш (караван нарт) представляет собой базовый модуль кочевой мобильности, обеспечивающий циклическую трансформацию линейного пространства движения в радиальное пространство стойбища через маневр «заворота аргишей», при котором последовательность нарт в караване определяет их расположение на стойбище, формируя «генплан» обитаемого пространства с функциональными зонами (женское рабочее пространство, мужская мастерская, сакральная зона, кладовые и т.д.).

4. Нарта представляет собой полифункциональный операционный элемент кочевого пространства (его квант), выполняя роль транспортного модуля, архитектурного элемента (прижим нюков, опора для жилища, стенка импровизированного корабля), места хранения и рабочей поверхности, причём каждый тип нарты создаёт вокруг себя специализированную зону деятельности и маркирует социально-символические границы стойбища.

5. Традиционная меховая одежда (малица, ягушка, совик, кухлянка, керкер) представляет собой систему вложенных «атомизированных» обитаемых пространств — последний уровень защитных оболочек в иерархии (тело — одежда — чум/яранга — стойбище — территория кочевания), способную к радикальным трансформациям конфигурации: от просторного колокола через подпоясанное состояние для движения до герметичного защитного кокона «куропачьего чума», где

управление проёмами (рукава, ворот, подол) регулирует теплообмен и создает автономное индивидуальное микропространство.

6. Жизненный цикл кочевых вещей подчинен принципу полифункциональности и непрерывной трансформации функции при сохранении базовой материальной формы: одежда последовательно проходит путь от праздничного наряда до рабочего облачения и постельной принадлежности; нарты меняют назначение в зависимости от сезона и ситуации; элементы жилища (шесты, покрышки) циклически превращаются из поклажи в архитектурную конструкцию, реализуя принцип максимальной утилизации при минимуме вещей в караване.

7. Трансформность является фундаментальным организующим принципом кочевого времяпространства арктических номадов на всех уровнях — от биологической матрицы (сезонные трансформации северного оленя в строении копыт, меха, зрения, метаболизма) через материальную культуру (жилище, транспорт, одежда) до социальной организации (ритмы нарава/номадава, «шахматное» распределение стойбищ), представляя собой не адаптационный механизм, а форму динамической устойчивости через обратимые циклические превращения при сохранении функциональной идентичности системы.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в развитии номадологии, номадографии и пространственных исследований (*spatial studies*) через концептуализацию трансформности как альтернативной логики организации пространства. Разработанный аппарат анализа кочевых технологий может быть применен к изучению других мобильных культур и сообществ (от исторических номадов Евразии до современных цифровых кочевников), а также к теоретическому осмыслению феномена мобильности в целом. Предложенная концепция вложенных обитаемых пространств и принцип циклических трансформаций вносит вклад в развитие феноменологии пространства, акторно-сетевой теории и материальных исследований, демонстрируя, как вещи активно формируют пространство и социальные отношения.

Результаты исследования имеют значение для понимания альтернативных моделей взаимодействия человека и экстремальной среды в эпоху изменения климата и поиска устойчивых форм освоения арктических территорий. Значимость состоит в создании научной основы для программ сохранения и поддержки традиционного природопользования коренных народов Севера. Детальное описание пространственных практик координации кочевых групп, механизмов использования пастбищ, тактик маневрирования может использоваться при разработке территориального планирования в районах традиционного

природопользования, при согласовании интересов оленеводов и промышленных компаний, ведущих добычу углеводородов и других ресурсов недр в Арктике.

Материалы исследования могут быть использованы в образовательных программах по этнографии, антропологии, арктическим исследованиям, при подготовке учебных пособий по традиционным знаниям коренных народов Севера, в музейных экспозициях, посвященных культуре кочевников. Количественные данные о параметрах жилищ, транспорта, одежды, ритмах кочевания представляют ценность для реконструкторов, дизайнеров, архитекторов, работающих с арктической тематикой. Выявленные принципы организации кочевого пространства могут найти применение в проектировании мобильной архитектуры, систем временного жилья для вахтовых поселков, туристической инфраструктуры в арктических регионах.

Апробация и степень достоверности исследования. Степень достоверности диссертации подтверждается включением в научную базу данных большого объема нового этнографического и визуально-антропологического материала, в том числе собранного автором в ходе многолетних полевых исследований. Основные положения и результаты диссертационного исследования прошли многолетнюю и разностороннюю апробацию на научных форумах различного уровня — от региональных конференций до международных конгрессов. Автором было представлено более 30 докладов на ведущих российских и международных научных площадках, включая Апрельскую международную научную конференцию НИУ ВШЭ (2018), Arctic Art Forum в САФУ (2018), серию Всероссийских научно-практических конференций «Арктический дизайн: актуальные проблемы» в МАГУ (2018), «Полярные чтения» (2019), XI Сибирские чтения «Энергия Арктики и Сибири» в РГО (2019), Конгрессы антропологов и этнологов России (2015, 2019, 2021, 2023, 2025), International Congress of Arctic Social Sciences (ICASS X) в Архангельске (2021), VI Международный Северный археологический конгресс (2024); Радловские чтения (2020, 2022, 2023, 2024, 2025) и др., что обеспечило постоянную обратную связь с профессиональным сообществом этнографов и антропологов, позволив корректировать исследовательскую оптику и уточнять концептуальный аппарат.

Отдельные положения диссертации представлены в 18 научных публикациях на русском и английском языках (общий авторский вклад — 24,3 п.л.), в том числе в 7 — в журналах списка ВАК (из них 5 статей в журналах базы SCOPUS), в 5 коллективных монографиях

и альбомах, а также в статьях в научных сборниках и материалах конференций.

Основные направления диссертационного исследования нашли отражение в научно-исследовательских проектах Российского научного фонда, в которых автор участвовал в качестве исполнителя.

Важнейшим каналом апробации результатов исследования стала музейно-выставочная деятельность. Автор являлся участником создания постоянной экспозиции «Связь времен» в Музее природы и человека в г. Ханты-Мансийске (2007), участвовал в разработке проектов Музея геологии, нефти и газа «Энергия Югры» (2012) и музейно-туристического комплекса «Ворота в Югру» (2014). Ключевыми для диссертационного исследования стали выставочные проекты: «Скользящий транспорт для Российского Севера: история идей» (Екатеринбург, 2018), «Арктический транспорт: ландшафт навыков и умений» (Arctic Art Forum, Архангельск, 2018), временная выставка «Кочевники Арктики: искусство движения» в МАЭ РАН (март–май 2019), получившая широкий резонанс в академическом и музейном сообществе. Работа над постоянной экспозицией «Имперский зал: Многонародная Россия» в Кунсткамере (2022 г.) позволила апробировать методы экспозиционного дизайна для репрезентации сложных культурных систем. Особое значение имеет виртуальный проект «Кочевники Арктики: искусство движения» (<https://arcticmobility.kunstkamera.ru>), представляющий результаты исследования в интерактивном цифровом формате и доступный широкой аудитории.

Некоторые результаты работы были апробированы в рамках практических занятий по «Дизайн-проектированию» для магистрантов Уральского государственного архитектурно-художественного университета им. Н. С. Алферова (2008–2015 гг.).

Диссертация состоит из четырех глав, разделенных на параграфы в соответствии с поставленными задачами, имеет оглавление, введение, заключение, список источников и литературы, приложения.

Структура диссертации. Диссертация состоит из пяти глав, разделенных на параграфы в соответствии с поставленными задачами, имеет оглавление, введение, заключение, список источников и литературы, список сокращений, приложения (карты, документы, иллюстрации).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *Введении* дана общая характеристика работы: обоснован выбор темы и ее актуальность, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, сформулированы цели и задачи, изложены теоретико-методологические основы диссертации, аргументированы ее научная новизна и практическая значимость.

В *главе 1 «Жилище: мобильность пространства»* анализируются традиционные переносные жилища тундровых ненцев и оленных чукчей — чум и яранга — как центральные элементы системы кочевой мобильности. *Параграф 1.1 «Ненецкий чум: мобильная капсула тепла и уюта»* представляет чум как эталонный кочевой трансформер, рассматривая его одновременно в конструктивном (коническая форма из 25–50 шестов и меховых нюков с двухслойной теплоизоляцией, общим весом около 820 кг), технологическом (сборка за 40 минут преимущественно женщинами, управление теплообменом через «термопробку» в вершине конуса), пространственном (разделение на мужскую и женскую части, три функциональные зоны, трансформация интерьера в течение суток) и анимистическом (чум как живое существо с «головой», «позвоночником» и собственной душой) измерениях. Все эти аспекты складываются в целостный образ жилища, существующего на пересечении ресурсов территории, стада оленей и человеческого сообщества и воплощающего этику минимализма через принцип «вещеоборота» — непрерывного обновления и функциональной трансформации пространства и вещей. *Параграф 1.2 «Чукотская яранга»* исследует эволюцию чукотского жилища от традиционной купольно-цилиндрической яранги с пятью группами шестов и двухкамерным устройством (внешний шатер-*рэт-тэм* и внутренний меховой полог *йороны*, регулирующий гендерную и статусную иерархию через распределение тепла) до современной меховой палатки с печью-буржуйкой, появившейся в 1960-х гг. как синтез традиционной и геологической конструкций. Параграф раскрывает уникальную временную трансформность чукотского жилища через годовой цикл смены мобильной зимней палатки (15–16 перекоченок) и стационарной летней тяжелой яранги, а также анимистическое восприятие яранги как живого существа с душой, служащего связующим звеном между поколениями и способного порождать до 25 дочерних яранг в девяти поколениях, что отличает чукотскую систему от ненецкой, где чум остается единообразным круглый год и обладает большей мобильностью при меньшей архитектурной сложности.

В *главе 2 «Нарты: структурно-композиционный анализ»* исследуются конструктивные особенности, типологическое разнообразие и пространственно-функциональная роль традиционного кочевого транспорта тундровых ненцев и оленних чукчей. В *параграфе 2.1 «Пространственная экология и транспортная функция»* рассматриваются два типа нартенных оленних упряжек — ненцевская косокопыльная и чукотская дугокопыльная, анализируются комплексные меры по обеспечению надежности нарт и система «кочевых стандартов качества», регламентирующих критически важные принципы конструкции. В *параграфе 2.2 «Технология и конструкция»* выявляются фундаментальные различия между ненцевской «запланировано прочной» конструкцией на жёстком соединении «шип-паз» и чукотской «запланировано ломкой» конструкцией с подвижными ремёнными соединениями. В *параграфе 2.3 «Нартенное многообразие»* анализируется функциональная специализация нарт: у ненцев выделяется более десятка типов (мужские, женские, священные, продуктовые и др.) с дополнительным сезонным делением на зимние и летние варианты, у чукчей — деление на ездовые и грузовые, различающиеся конструкцией передней части полоза и массивностью элементов. В *параграфе 2.4 «Антропо- и оленецентризм нарты»* рассматривается оленья упряжка как целостная система «олень-нарта-человек», где специальная подготовка упряжных оленей, индивидуальная подгонка размеров нарты под человека через антропометрию и конструктивная адаптация к тягловой силе оленя обеспечивают эффективное взаимодействие всех элементов системы. В *параграфе 2.5 «Мобильно-пространственный модуль»* анализируется организация нарт в целостную систему — нартенный караван (*аргиш/мюд* у ненцев, *мууриль* у чукчей), функционирующий как автономный мобильно-пространственный модуль, способный к регулярной трансформации. В *параграфе 2.6 «Эстетика нарты: инструмент, образ, символ»* раскрывается неразрывная связь понимания красоты и практичности в кочевой эстетике, где «красиво» и «правильно» неизменно совпадают, нарта воспринимается как живое существо с «носом», «хвостом» и «ногами», а композиционный анализ силуэта выявляет симбиоз функциональных решений и эстетической выразительности, воплощающей представления кочевников о скорости, стремительности и гармоничном взаимодействии с пространством тундры.

В *главе 3 «Меховая архитектура: термодинамическая многослойность»* исследуется традиционная меховая одежда тундровых ненцев и оленних чукчей как сложная система индивидуальных защитных оболочек, основанная на уникальных микроструктурных свойствах оленьего

волоса, технологиях обработки шкур и принципах конструирования многослойных комплексов. В *параграфе 3.1 «Олень: шкура и мех»* анализируется микроструктура оленьего волоса с выраженной гипертрофией сердцевинного слоя, занимающего до 90% толщины волоса и содержащего воздушные полости, что создает идеальную теплоизоляцию на микроуровне, рассматриваются возрастная и сезонная дифференциация снятых шкур, топография оленьей шкуры с различными физико-механическими свойствами частей, многоэтапная обработка шкур женщинами, технология шва с использованием сухожильных нитей и треугольных в сечении игл, обеспечивающих герметичность соединения. В *параграфе 3.2 «Одежда кочевника»* описываются конструктивные особенности традиционных комплексов: у ненцев — мужская малица и совик, женская ягушка, меховая шапка-капор с металлическими украшениями-оберегами, двухслойная высокая обувь; у чукчей — мужская и женская двойная кухлянка, женский керкер, меховые шапки-капоры с кисточками-оберегами, отпугивающими злых духов, короткие торбасы с меховыми чулками-памья. В *параграфе 3.3 «Нюк и рэттем: одежда для чума и яранги»* обосновывается концепция кочевого жилища как коллективной меховой макро-оболочки, технологически родственной индивидуальной одежде по материалам, приёмам выделки и сухожильному шитью, но радикально отличающейся по масштабу, прочностным характеристикам и режимам эксплуатации. Детально анализируются специфические технологические решения — управление точкой росы через подстригание внутреннего меха, ежедневное выбивание конденсата, направление ворса строго сверху вниз для стока влаги, а также принципиальная разница между двухслойной конструкцией ненецкого чума и двухкамерной системой чукотской меховой палатки с вложенными термическими контурами. Параграф демонстрирует, что жилище воспринимается кочевниками не как стационарная постройка, а как динамичная система концентрических защитных пространств, которую можно «переодевать» в зависимости от погодных условий, подобно тому как человек управляет слоями своей одежды.

В *главе 4 «Трансформер в технологиях кочевников»* исследуется принцип трансформности как фундаментальная основа организации кочевого времяпространства на всех уровнях — от биологического до социокультурного. В *параграфе 4.1. «Биотехнологии: северный олень как трансформер»* анализируется северный олень как первичная биологическая матрица кочевой технологии, демонстрирующую глубокие сезонные трансформации всех систем организма, которые человек копирует в конструкции одежды, жилища и снаряжения, создавая

экзосоматический кочевой трансформер по принципу буферизации границ и вложенных пространств. В *параграфе 4.2. «Социальный трансформер»* рассматриваются мобильные группы кочевников как сегментированные автономные единицы, способные легко объединяться и распадаться, анализируя ненецкую систему с чередованием состояний *нарава* (отдельное кочевье) и *номдабава* (объединение), где семья участвует в семи-восьми хозяйственных объединениях в год, образуя подвижную кластерную сеть вокруг опорных точек кочевий, и чукотскую организацию без родовой структуры с постоянной циркуляцией людей между тундрой и поселками, реализующую персональную трансформацию «оленовод — зверобой». В *параграфе 4.3. «Трансформация «зима-лето»»* исследуется годичный кочевой цикл с усредненным ритмом «два дня стойбища — один день перекочевки» (около 100 перекочевков в год у ямальских оленеводов), сезонным замедлением зимой и ускорением весной, делением ненецкого года на год-зиму и год-лето с точкой смены *по* («дверь»), анализирует весеннюю переправу через Обскую губу как 70-километровую «морскую кочевку» с «шахматным» маневрированием бригад и частников и описывает чукотский «круглый год» с опорной точкой летних яранг на р. Элькаквун и обрядом *эйнеткун* как символической перекочевкой в новый жизненный цикл. В *параграфе 4.4. «Трансформация «кочевье-стойбище»»* раскрывается циклическая трансформация ненецкого аргиша (*мюд*) и чукотского нартового поезда (*мууриль*) как основных модулей кочевой мобильности, анализируя ритуал втыкания хорея, задающий оси пространства, маневр «заворота аргишей» с превращением линейной структуры каравана в эллиптическую радиальную структуру стойбища, где нарта выступает одновременно транспортным модулем, элементом архитектуры, рабочим местом и кладовой, а чукотский *элгаан* разворачивается в движущийся цуг и сворачивается обратно на стойбище, где яранга окружается нартами как дом из нарт. *Параграф 4.5. «Трансформность чума и яранги»* анализирует ненецкий чум с увеличением объема в 30 раз при разворачивании ($1,1 \text{ м}^3 \rightarrow 36 \text{ м}^3$), трансформацией внутреннего пространства по времени суток (спальня — столовая — мастерская при экстремальной плотности $1,0\text{--}1,7 \text{ м}^2$ на человека), гендерной инверсией («в тундре — патриархат, в чуме — матриархат»), современным превращением в гараж для снегохода, и чукотскую ярангу с пологом *есер* как «пространством в пространстве», создающим автономный микроклимат ($+25\text{--}30^\circ\text{C}$ при морозе снаружи), и эволюцией традиционной яранги в меховую палатку как коллективный трансформер кочевого сообщества, распространившийся через всю Чукотку за несколько десятилетий. В *параграфе 4.6.*

«Одежда как трансформер» представляет малицу как носимую модель чума, «атомизированное» обитаемое пространство с уникальной кинетикой одевания («в одну дыруходишь, в три выходишь»), двумя состояниями (расправленная для стояния, подвязанная для движения с напуском-ма' как карманом), скрытым интерфейсом действия рук внутри без потери тепла, экстремальной трансформацией в замкнутый меховой кокон «куропачий чум» для переживания пурги и двухслойной системой малица-совик с воздушной прослойкой, а также ягушку с принципиально иной логикой разреза, позволяющего развернуть одежду в плоскость и превратить в «крылья» для детей (женское пространство открытое vs мужское замкнутое).

В **Заключении** подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы, которые заключаются в следующем. В продолжение концепций номадологии и номадографии предложена концептуализация номадотектуры как особого типа организации пространства-времени, где архитектурные, технологические и социальные структуры находятся в состоянии непрерывной трансформации, синхронизированной с ритмами Арктики, и раскрывается принципиальное отличие номадотектуры от оседлой архитектуры: вместо сопротивления изменчивости среды через создание стабильных форм она достигает устойчивости через резонансную синхронизацию с пульсирующими ритмами, создавая единую систему вложенных трансформеров (олень, чум, нарта, малица, аргиш), работающих на принципе обратимых превращений, где двухслойность и многослойность на всех уровнях (одежда, жилище, стойбище) формирует градиентную систему тепловых и социальных оболочек с многослойной буферной зоной постепенного перехода между «своим» и «чужим».

Сравнительный структурно-функциональный анализ ненецкого чума и чукотской яранги характеризует их как высокоспециализированные мобильные архитектурные системы с общими базовыми принципами (коническая форма, деревянный каркас с меховым покрытием, центральный очаг, эффект «оболочки в оболочке»), но принципиально различными конструктивными стратегиями: чум воплощает логику минимализма с единственным типом несущего элемента и симметричной формой, тогда как яранга строится на модульном принципе с разнотипными шестами и допускает масштабирование от однотурной передвижной до многотурной стационарной конфигурации, при этом строгая восточная ориентация чума отражает его вписанность в космологическую систему координат, а вариативная ориентация яранги с подветренной стороны — в аэродинамическую. Исследование технологий теплосбережения выявило принципиальные различия: чум использует двухслойные меховые

покрышки с эффектом термоса и ночные пологи при минимальном очаге, тогда как традиционная яранга решала проблему тепла через предельное сокращение объёма до размеров тесного мехового полога, а меховая «палатка» 1960–1980-х гг. с печью-буржуйкой стала технологической революцией, превратившей стратифицированное по гендерной иерархии пространство в единое тёплое жилое пространство.

Параметрическое исследование летнего чума семьи Тайборей впервые установило точный общий вес среднего летнего чума (около 820 кг), распределённый между несущими конструкциями (394 кг, 48%), постельными принадлежностями (134 кг, 16%), отопительной системой (78,5 кг, 10%) и утварью (78 кг, 10%), что разрушает миф о «невесомости» кочевого жилища и демонстрирует механизм адаптивного перераспределения весовых нагрузок при внедрении современных материалов (снижение веса покрытий при замене меха на ткань компенсируется появлением тяжёлой металлической печи), при этом кочевое жилище оказывается не статичным артефактом, но динамической системой, постоянно оптимизирующей соотношение веса, функциональности и мобильности в ответ на изменения природных и социально-экономических условий — подлинным трансформером, в котором материальная тяжесть превращается в кочевую лёгкость.

Сравнительный структурно-композиционный анализ ненецкой косокопильной и чукотской дугокопильной нарт выявил два принципиально различных конструктивно-технологических решения: ненецкая нарта воплощает логику «запланированной прочности» с жёстким неподвижным соединением «шип-паз», требующим высокой точности изготовления и длительной обработки заготовок, но обеспечивающим работу без ремонта 10–15 лет благодаря «скелетному дизайну» с переменными сечениями для оптимального распределения нагрузок, тогда как чукотская нарта реализует логику «запланированной ломкости» с гибкой подвижной конструкцией на ремённых соединениях, нетребовательной к качеству материала, но предполагающей регулярный сезонный ремонт, при этом функциональная специализация транспортных средств достигла уровня индустриального производства (более десятка типов нарт у ненцев с гендерной, функциональной, сакральной и сезонной дифференциацией, удваивающей общий парк до 80–90 единиц на семью), что демонстрирует высокий уровень технологической культуры при кажущейся архаичности материальной базы.

Исследование места нарты в структуре кочевого пространства позволяет концептуализировать её как мобильный пространственный модуль — минимальную функционально завершённую единицу

организации кочевого бытия, одновременно функционирующую как транспортное средство, единица хранения, конструктивный элемент жилища, единица измерения благосостояния, рабочее место и носитель культурной памяти, а сравнительный анализ традиционных комплексов меховой одежды выявил гендерную дифференциацию покроя у ненцев (мужская глухая малица как герметичная капсула для мобильного пастуха vs женская распахнутая ягушка для быстрого термического регулирования) и унифицированную систему у чукчей (базовая двухслойная глухая кухлянка для обоих полов с радикальным различием в одежде — женский керкер как цельнокроенный меховой комбинезон), при этом исследование микроструктурных свойств оленьего меха (трубчатая структура остевого волоса с 90% воздухоносной сердцевины, плотность до 2500 волосков на см²) и виртуозное использование топографии оленьей шкуры превращает биологическую карту тела оленя в функциональную карту человеческого тела, а концептуализация меховой одежды как первичной архитектурной оболочки — индивидуальной микроклиматической капсулы, структурно и функционально родственной коллективной оболочке жилища, — раскрывает континуальность защитных оболочек и способность одного материально-технологического комплекса функционировать в различных масштабах и конфигурациях.

Главный вывод исследования: трансформность является не отдельным адаптационным механизмом, а фундаментальным организационным принципом кочевой культуры, пронизывающим все уровни её существования от биологического до социокультурного, где северный олень выступает первичной биологической матрицей трансформера с глубокими сезонными метаморфозами всех систем организма, человеческий кочевой трансформер (аргиш, чум, яранга, нарта, малица, кухлянка) копирует, масштабирует и развивает те решения, которые заложены в биологии оленя, а критически важным оказывается воспроизведение самой логики трансформности — способности одной системы функционировать в радикально различающихся режимах при сохранении структурной целостности, при этом анализ пространственно-временных ритмов кочевания (80–120 циклов «кочевье–стойбище» в год, морское кочевье через Обскую губу, «шахматный» маневр при согласовании траекторий аргишей) выявил, что трансформность реализуется как строго ритмизированная последовательность превращений, синхронизированная с природными и социальными циклами, а методологическое значение концепции трансформера состоит в преодолении оседло-государственного логоса и переходе к нomaдологической оптике, где движение и изменчивость конституируют особую форму динамической устойчивости (аллостаз),

что обретает актуальность в эпоху глобальной мобильности и климатических изменений как передовая практика устойчивого развития в условиях нарастающей неопределённости.

**Основные положения и выводы диссертационного исследования
представлены в следующих публикациях**
(общий авторский вклад — 24,3 п.л.):

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования:

1. Ненецкая и чукотская нарты: структурно-композиционный анализ // Этнография. 2025. № 2 (28). С. 66-89. (авт. вклад — 1,2 п.л.);

2. Трансформер в технологиях кочевников Арктики // Этнография. 2023. № 4 (22). С. 6–38. (в соавт. с А. В. Головнёвым; авт. вклад — 0,7 п.л.);

3. Кочевники Арктики: научный проект на музейной площадке // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 39–48. (в соавт. с Ю. С. Коньковой; авт. вклад — 0,6 п.л.);

4. Одежда арктических кочевников: традиционные технологии и этнодизайн // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2020. Т. 7. № 3 (27). С. 130-141. (в соавт. с Ю. С. Коньковой; авт. вклад — 0,5 п.л.);

5. Этнодизайн: искусство vs наука // Уральский исторический вестник. 2020. № 3 (68). С. 6–15. (в соавт. с А. В. Головнёвым, Ю. С. Коньковой; авт. вклад — 0,3 п.л.);

6. Arctic Design: Revisiting Traditional fur Clothing within the Daily Routine of Reindeer Nomads // Heliyon. 2020. Vol. 6. No. 2. S. e03355. (в соавт. с S. Usenyuk-Kravchuk, N. Garin, A. Trofimenko; авт. вклад — 0,3 п.л.);

7. Мобильное жилище чукчей-оленьеводов: традиции и новации // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 40-49. (в соавт. с Е. В. Переваловой; авт. вклад — 0,5 п.л.).

Монографии и альбомы:

8. Инновационный потенциал «народного дизайна». Альбом-монография. Екатеринбург: УрГАХУ. 2019. 86 с. (в соавт. с Н. П. Гариным, С. Г. Усенюк, Ю. С. Коньковой, И. В. Абрамовым, А. В. Расвой; авт. вклад — 1,5 п.л.);

9. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб: МАЭ РАН, 2018. 352 с. (в соавт. с А. В. Головнёвым, Е. В. Переваловой; авт. вклад — 6,5 п.л.);

10. Оленеводы Ямала (материалы к Атласу кочевых технологий). Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 152 с. (в соавт. с А. В. Головнёвым, Н. П. Гариным; авт. вклад — 4,5 п.л.);

11. Школа северного дизайна. Арктика внутри. Альбом-монография. Екатеринбург: УрГАХУ, 2017. 200 с. (в соавт. с Н. П. Гариным, С. Г. Усенюк, М. А. Гостяевой, Ю. С. Коньковой, А.С. Роговой; авт. вклад — 3,5 п.л.);

12. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Типография «Альфа-принт», 2015. 132 с. (в соавт. с А. В. Головнёвым, Е. В. Переваловой, И. В. Абрамовым, А. С. Роговой, С. Г. Усенюк; авт. вклад — 2,7 п.л.).

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов:

13. Нарта: старые технологии и новые материалы (Ямал, Кольский полуостров, Чукотка) // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 106-118. (в соавт. с Е. В. Переваловой; авт. вклад — 0,5 п.л.);

14. Арктический дизайн: основные понятия и практика реализации // Дизайн и технологии. 2017. № 62 (104). С. 17-28. (в соавт. с Н. П. Гариным, С. Г. Кравчук, М. А. Гостяевой, Ю. С. Коньковой; авт. вклад — 0,2 п.л.);

15. Северный туризм (проектный опыт Уральской школы дизайна) // Вопросы туризмовеждения, 2012. № 4. С. 86–100. (в соавт. с Н. П. Гариным, М. А. Гостяевой; авт. вклад — 0,3 п.л.);

16. Principles of Cross-cultural Design: the Concept of a School for Children of Arctic Nomads (poster presentation) // The Seventh International Congress of Arctic Social Sciences ICASS VII. Circumpolar Perspectives in Global Dialogue: Social Sciences beyond the International Polar Year: book of abstracts. 22-26 June 2011. Akureyri, Iceland. P. 106. (авт. вклад — 0,1 п.л.);

17. Design for Extreme Environment: the Experience of the Master of Design Course // DS 59: Proceedings of E and PDE 2009, the 11th Engineering and Product Design Education Conference – Creating a Better World. 2009. Pp. 564-569. (в соавт. с N. Garin, S. Usenyuk, M. Panova; авт. вклад — 0,2 п.л.);

18. Design Education in Russia: The Experience of the Master of Design Course // Proceedings of the 3rd International Conference on Design Principles and Practices, Berlin, 2009 February 15-17 // Design Principles and Practices: an International Journal. Vol. 3, № 4, 2009. Pp. 343–358. (в соавт. с N. Garin, S. Usenyuk, M. Panova; авт. вклад — 0,2 п.л.).

Подписано в печать .10.2026. Формат 60х84 1/16
Бумага офсетная. Усл.печ. л. 1,5
Тираж экз. Заказ № ____.

